

Денис Прохор

ЕШКИН КОД

Денис Викторович Прохор

ЕШКИН КОД

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69320266

SelfPub; 2023

Аннотация

В батальоне майора Кормухина Генка Ешкин один такой оказался. "Просто так прохожий, парень чернокожий". Из-за этого его на секретную спецоперацию взяли. А потом у него и другие суперспособности открылись. По-настоящему важные.

Денис Прохор

Ешкин код

Подловил майор Кормухин Гену Ешкина в самое «подловительное» время. После обеда, на коротком пересыпе, когда сон не сон, а глаза закрываешь и разлетаешься на атомы. Были вокруг пуховые и мелкие елочки, жирный воздух с комариными песнями и ты. Отдельно. А теперь нет. Теперь ты елочки, ты воздух и комариная песня и белое, такое жаркое, что уже все равно, солнце на рыжей сосновой ветке. Ты миг. Ты век. Ты, наконец-то, человек. И может быть... Ну хоть по краюшку...

– Цып, цып, цып, муховатые. – звал-подзывал майор Кормухин. Греб правой рукой хвойный слоеный воздух. Стоял отвязавшиеся генкины атомы обратно в единую атомарную функциональную цепь. Постукивал нежно алюминиевой тростью с пистолетной ручкой по титановому мелодичному протезу. Он заменил майору левую голень и непутевые, левые мысли. Восстановив суть вещей, от физики майор Кормухин перешел к лирике. Начал тревожить, царапать свой внутренний нравственный мир.

– Гена, Генчик, Генацвале. – негромко позвал майор Кормухин. Так чтобы не прямо Гене Ешкину в ухо, а в сторону. Как бы для себя. Для галочки. Вроде бы как то что от него зависело сделал, а там как пойдет. Может Гена не проснется,

может откажет, когда поймет куда и зачем его майор Кормухин тянет. Дело смертельное. И важности и вообще. И главное это майор Кормухин лично придумал Гену туда определить. Очень ловко и правильно Генка мог туда встроиться. Как можно и должно. Но все-таки. Все-таки где-то в самых потаенных своих душевных уголках-закаулочках таил майор Кормухин неосознанную и хрупкую надежду, что Генка его не услышит. И все само как-то мимо сквознет. То, что майор Кормухин решил затеять. Но что мактуб, то мактуб. Его не перемактубишь. Это, конечно, база. Как есть экзистенция. С этой философской категорией майора Кормухина познакомил противопехотная мина в славном 2015 году на грязной и зимней дороге в город Дебальцево. Можно (нет!) нужно сказать, что тогда Кормухин потерял ногу, зато приобрел голову. Теперь в нее майор не только ел и пил, но и зрил. Как в зеркало. Без страха, но с упреком.

– Товарищ майор. – Генка встал перед Кормухиным как есть. Худой, заспанный и баскетбольный. Кормухин едва до плеча Генки Ешкина доставал.

– Выспался? – строго спросил майор.

– Вроде. – Генка прищурился. Прямо в большие и нездешние красивые глаза с длинными ресницами валило полуденное хулиганское солнце.

– Вроде с ногами проснулся? – спросил Кормухин. – Посмотри внимательно. Может потерял где?

Генка вниз послушно посмотрел. По бедрам своим тощим

похлопал и проснулся совсем.

– Да вроде ... Как росли так и растут, товарищ майор.

– Это они зря. – посочувствовал майор. – С таким-то хозяином.

Кормухин, трость и протез издали осуждающий гулкий звук.

– Сколько раз говорил под машинами не спать? – не спросил, а загрузил майор. – Техника первая цель для дрона, Ешкин. Ну а ты за компанию. Зачем? Ты умрешь. Ладно. Твой выбор. Но ведь целый мир за собой потянешь, кусок ты куска. За просто так. Без цели и пользы. Маму-папу и куст сирени за окном. Э-э-эх. Пойдем.

– Куда это? – спросил Генка. – Я на кухню больше не пойду. Другой наряд давайте.

– На кухню это само собой. – обрезал майор. И добавил. – Но после дела. Пойдём.

Вперед майор не зашагивал. Рядом с Ешкиным держался. Трость лесную землю колола, а подпрыгивал майор. Из-за протеза или ещё чего. Генка пока расслаблено шёл. Позёвывал. Если бы не майор, опять начал бы растворяться в комарах, елочках и солнце.

– Будет у меня к тебе предложение. – говорил Кормухин. – Но сразу же скажу, что острое. Не по твоей шоферской специальности. Если откажешься, наоборот, даже спасибо скажу. Почему, знаешь?

– Вообще по нулям. – ответил Генка.

– Потому что я эту шутейку и выдумал. Уж очень ты под нее подходящий. Так что вот так вот. Понял?

– Нет. – честно признался Генка.

– Хорошо. – согласился майор. – Значит, самое время отказать. Пока не понял. Думать не будешь. Ни меньше. Ни больше.

По широким и крепким земляным ступеням они спустились в окоп. Ловкий и справный. Уставной и кормухинский. С маскировочной плотной сетью над обшитой смолистыми ошкуренными брёвнами. На повороте к блиндажу с толстой, в три наката, крышей майор Кормухин Генку остановил.

– Дай посмотрю. – майор неодобрительно осмотрел Ешкина. – Повертайся. Ох и шпаковня ты, Гена.

– Да вы можете толком, товарищ майор! – начинал сердиться Генка пока Кормухин выправлял ему одежду и осанку заодно.

– Повертайся. – Кормухин отступил назад. Пробежался еще раз чётким глазом по не стремительной ешкиной вертикали.

– Толком тебе кто надо объяснит. Заходим, воин.

Блиндаж у Кормухина получился, как впрочем и все остальное кроме отношения к бытовому зараостризму и веганской шаурме, однозначным. Солидным и без подвохов. Два узких и длинных окошка смешивали подземную тьму с белым светом. Потолок и стены в свежих и духовитых досках. На полу мягкий упругий лапник и вместо комариного

писка тихий и узорчатый джаз из синей таблетки-колонки. Но столе электрический самовар в полведра со скрепными граненными в подстаканниках, пачка рафинадного сахара и терикончик из горловской маковой сушки в глубокой и почти бездонной супнице. А по бокам всего этого натюр не морта война сидела и мир охраняла. Только теперь Генка Ешкин начал понимать, что дело может получиться серьезным. На фронте именно эти ребята отвечали за громы и молнии. Свои и чужие.

– Спецназеры. – определил верно Генка.

– Есть такое. – весело отозвался один из спецназовцев. Молодой и бесконечно рыжий.

– Я Чума. Это самовар. А это... – рыжий подвинул самовар. – Это Шарон.

– Присаживайся, Гена. – сказал Шарон. Низенький, квадратный и с неожиданно зелеными и трудными глазами. Гена присел на лавку у стены. Рядом с ним сел Кормухин. Вытянул с удовольствием левую ногу.

– А? – спросил Кормухин. – Что скажете, товарищи офицеры? В масть?

– В какую такую масть? – заволновался Гена. – Чего темните? Если есть что, говорите. Нет, так я пошел. Мне за БК ехать, а потом кухня.

Шарон потянул вверх клапан нагрудного кармана. В ладони у него оказался пластиковый прямоугольник. Что-то вроде водительского удостоверения. Шарон посмотрел на Гену,

потом на пластик. Сказал.

– Да. Есть в этом что-то.

– Так и я об этом. – поддержал Кормухин. – Я как только увидел сразу про тебя Гена подумал. Как надо похож. Там негр и здесь... – майор довольно и нежно ткнул Генку кулаком в район печени. – На всю бригаду один Майкл Джордан и мне попался.

Шарон передал пластик Чуме, тот Кормухину, а майор вложил его в тяжелые крестьянские Генкины руки.

– Это, Гена. – Шарон открыл самоварный краник. Плеснул кипятка в стакан. Отпил немного и продолжил.

– Значит, это американец. Вроде как, если мой Лэндан всё ещё изэ кэпитал. Абедая Стар из города Гари штат Иллинойс. Про что жил, об чем дышал нам не ведомо. Знаем, что вчера его соседи ваши из 22-го полка того этого.

– Думал, как в Резидент Эвил будет. – улыбнулся Чума. – Запасная жизнь.

– Прямо реально тупые. – согласился майор Кормухин. – В Курдюмовку на сафари? Дикий, дикий народ. Я вот чем больше таких вижу в горизонтальном положении, вообще у меня все ясно становится. В политическом смысле. Чтобы народ нормальный получился, он должен по шам получить хорошенько. Подняться после этого. Опять по шам и опять подняться. Тогда это реально народ, а не фигня на арахисовом масле как Соединенные Штаты Америки. Где мозги? Над Курдюмовкой решили доминировать? Курдюмовка их

пережует и выплюнет. На то она и Курдюмовка.

– Ух ты. – восхитился Чума. – Вам, товарищ майор, на Первом канале выступать. С экспертным мнением.

– Мне не надо. У меня работа есть. – майор Кормухин потянулся за тростью и после упреждающего мелодичного звука сказал. – Как договаривались, хлопцы. Вы Генке всё объясните, но решение за ним. У меня и так и сяк мысли виноватые в голове костры рябины жгут.

– Да там делов то, Ген. – Чума забрался веснушчатой рукой в супницу. Выбрал одну ему известную правильную сушку и, подбросив вверх, поймал ее крепкими и белыми зубами. – Хруп, хруп и всё.

– Ты джихад-мобиль водишь? – спросил Шарон Ешкина.

– Я всё вожу. – сказал Гена. – А что это?

– Тойота пикап. Трофейный.

– Праворулька, что ли?

– Ага.

– Не вопрос. А делать то что?

Шарон переместился на лавку. Замкнул Генку между собой и Кормухиным.

– Мы бы и сами справились. Но вот некомплект у нас неожиданно случился. Старшой наш Николаич на больничке, а дело делать надо. Суть такая. Одеваем трофейные комки и броники садимся в трофейный пикап и едем трофеить одну трэфную немецкую гаубицу на резиновом ходу.

– Всего-то? – недоверчиво спросил Гена.

– Ага. – подтвердил Шарон.

– Я то думал, что-то реально опасное. – сказал Ешкин. –

А это... Когда выдвигаемся?

– Вот это малорик. – похвалил Чума. – Я как тебя увидел, сразу понял наш человек. Кровь штурмовая. Ты откуда, Генка?

– Из Шахуньи.

– Это понятно. В России где живешь?

Генка ломаться не стал. Обижаться тем более. Он вообще не обижался. Жизнь так заставила.

– Нижегородская область. Город Шахунья.

– Шахуньянин, значит? – задавил Чума озорную улыбку горстью сушек.

– Шахунец. – Генка зевнул и спросил у Шарона.

– Когда выдвигаемся?

– В полночь, конечно. – ответил Шарон. – Наше время.

– Ладно. – Генка повернулся к Кормухину. – Товарищ майор, тогда Семенова на рейс ставьте, а в наряд я уже как-нибудь после.

– Наряд само собой. – подхватил Кормухин. – Нет. Стоп. Что значит, выдвигаемся? Куда полетел, шахунец? То вообще тямишь, куда выдвигаться собираешься? Это не в Сватово по тихому смотаться за крымскими чебуреками и баклажкой табуретовки для ефрейтора Рыкало. А? Что? Гена, Генчик, Генацвале? Не ожидал? Все про вас знаю.

Шарон вставил удивленно.

– Не понимаю, товарищ майор. Вы как-бы инициатор всей этой каши.

– Само собой. – не отказался майор. – Но раз уж выпало мне бога подменять в особом батальоне материального обеспечения, то как я вижу не на меня, а мне молиться надо. Послушай, Гена.

– Да все понятно, товарищ майор...

– Варезку пока закрываем и слушаем, рядовой Ешкин. Через минное поле полезете, потом по лесу с растяжками. Машину где спрятали?

– 3 километра на северо-запад. – откликнулся Шарон.

– А ехать сколько?

– Поселок Першатравень. Километров 50. Там ангары для сельхозтехники на выезде. Вот прямо туда. Лысогоровка.

– Это через блокпосты. И самое главное. Вам эту штуку сюда притащить надо. В целости и сохранности.

Генка посмотрел на Шарона. Тот молча кивнул головой.

– Там делов-то. – влез в неловкую паузу Чума. – Приехали и уехали.

– На тот свет. – сказал Кормухин.

– Зачем же. – возразил Шарон. – Там как всегда. 50 на 50. – помолчал и добавил. – Из 50-ти.

– Так-то лучше. – Кормухин опять опустил на лавку. – Теперь чего скажешь, Ешкин?

Думал Генка совсем недолго. Можно сказать, что и совсем не думал. Потолкался плечами между Шароном и Кормухи-

ным. Встал.

– Я тогда спать пошел. – сказал Ешкин. – Когда теперь придется.

Чума с Шароном переглянулись. Рыжий окольцевал суши-кой большой палец и вверх его поднял.

– Вот так вот! – поддержал выбор Ешкина Чума.

– Хорошо. – сказал Шарон. – Тогда, часиков в 10, прямо сюда подтягивайся.

– Я пошел, товарищ майор? – спросил Гена.

В ответ майор Кормухин буркнул ворчливо.

– И не сомневался. Ни в тебе, ни в себе. Не жизнь, а тупик, но счастливый. Иди, Гена. Чего теперь. Только не под машину. У связистов ложись. Там сейчас никого нет.

В палатке связистов было прохладно и сухо. Гена лежал на широком топчане взводного Стржельчика. Смотрел, не мигая в треугольную прорезь толстых домашних носков. У самого входа в палатку там, где ломаный-переломанный ландшафтом ветер шевелил подкову на сбитой из щелястых занозистых досок двери лежал покоем ленивый желтый свет. Резали его неожиданные прозрачные тени. Быстрые и пугливые. Полосовали сомнениями и убегали, а свет оставался. Желтел, густел и на глазах у Генки становился твердым и угловатым, пока в одно мгновение не разбился на осколки, не растаял в молочных вечерних сумерках. И все для того, чтобы появиться вновь. Недорезанный императив! Генка, не вставая, протянул длинную и худую руку, потом вторую. Провер-

нул до упора электрическую лампочку в патроне. Свет продолжился белым и холодным колером, а где-то через пару минут Гена нашел причину. Почему он согласился. Ведь не маленький и помирать жуть как не хочется. Но сперва, перед тем как самому с собой, наконец, согласиться, так Гене домой захотелось. До внутренней зудящей слезы. Ведь там мама, бабушка и еще кое-кто в диспетчерской их оптовой продуктовой базы. Может быть, Шахунья не лучшее место на Земле, но она приняла Генку. Самую белую ворону на всем белом свете. Когда Генка повестку получил, он пошел в военкомат. Все местные пошли. Не местные на родину историческую уехали. Ирек Хуснулин из параллельного класса в Грузию, а Петька Сидоров в Израиль. Генка их не винил и не оправдывал. Не было у него такого права. Да и желания не было. Зачем? Разве шахунец так мог поступить? Нет. А про чужих пусть чужие думают. Своим надо помогать и думать. Это половина причины. А вторая половина? Неудобно даже оглашать прописные истины. Это база. Фундаментальная штука. Она ровняет горы и иссушает реки. « Я чё не мужик? » – спросил сам себя Генка и ответил: « Я мужик. Свойский мужик. Какого ещё рожна? Какие ещё факты и аргументы? »

Ровно в 10 Генка был в блиндаже у Кормухина.

– Чучело. – кратко резюмировал майор Кормухин, когда Гена облачился в комок убиенного кроткой Курдюмовкой американца.

– Добрый лось. – согласился Шарон. – Был. Ну ничего. Мы штанцы подвернем, рукава закатаем. И это... Ген. На блокпостах. Если остановят. Помни и не тушуйся. Для них в этом комке и с полосатым шевроном ты царь и бог. Носик, бровки утюжком. Если спросят чего, шпарь как Шварцнегер в «Красной жаре».

– Не прокатит. – засомневался Гена.

– Ещё как прокатит. – уверил его Шарон. – Это VHS-народ. Как зашли в видеосалон в 1991 году, так до сих пор там и сидят. Так что прокатит. Ну и мы с Чумой где надо поможем.

– Кроме автомата есть ещё чего? – спросил Чума у Ешкина.

– Нету. Зачем? – сказал Гена и соврал. Был у него заветный ножик. Когда переодевался, Генка его в набедренный карман определил. Та самая «легендарная финка НКВД от кизлярских мастеров». Телеграмм канал «Повернутые на войне» плохого не посоветует. Да и кинжал нормуль, как бы его не обсмеивали особо продвинутые граждане. Такие как этот Рыжий, например.

– Тогда мне лук, а тебе стрелы. – Чума протянул Генке подсумок с выстрелами для РПГ, а саму трубу закинул себе за спину. Шарон поднял с пола рюкзак средней упитанности.

– Пора. – сказал Шарон.

– Пора. – откликнулся Чума. – Пора прослушать гимн столицы розовых помидоров. Пора, пора, порадуемся!

– На своем веку. – подхватил Шарон и они заголосили весело и громко. – Красавице и кубку, счастливому клинку. Пока, пока, покачивая перьями на шляпах. Судьбе не раз шепнем.

– Судьбе шепнем. – внезапно загудел Шарон церковным басом, а Чума наоборот тоненько-тоненько,

– Судьбе шепнем.

И они вышли на коду задорным, счастливым грохотом.

– Мерси Баку! Мерси Баку!

– Погнали, хлопцы! – крикнул Чума.

– Погнали. – вздохнул майор Кормухин. – Если уж отпели, теперь только вперед и вверх.

Они стояли в траншее и слушали, как работают 82-е минометы. Короткие и сочные взрывы, а еще Генка видел, как трясёт от испуга лес. Южный и не смелый лес в звездной лихорадочной сыпи. В проступившей тишине возник тихий голос Кормухина.

– Время, мужики. Минут через пять еще три пакета «Града» накинем. Чтобы наверняка про вас не думали.

– Нам бы еще человечков и ложную атаку. – размечтался Чума.

– Человечков? – переспросил Кормухин. – Не знаю. Нет у нас военнослужащих с такой фамилией... И не нужно. – мягко и твердо, как оно по-настоящему и следует, сказал майор.

У Шарона на рюкзаке мотался оранжевый велосипедный катафот. Генка старался не отставать. Весело, за огоньком,

полз по минному полю. Изображал из себя приткую ящерку. Насторожиться, тем более деловито испугаться, Генка ещё не успел. Не перестроились до конца мозговые нейроны. Поэтому Генка не заметил, как исчез катафот. В глазах у него стоял довольный Кормухин, а в руках у майора подарок от рядового Ешкина. «Повернутые на войне» не дадут соврать. Чума все разрулил.

– Спишь? – услышал вдруг Гена. – Ну спи, спи. Соня.

Майор Кормухин легендарную финку спрятал и сам спрятался. Мимо Гены прошла темная и ловкая тень. Не смотря на ночь, рыжая! Генка осторожно поднялся на ноги. Огляделся. Слева и впереди горело белым светом. Стрелковка шумела, но, если присесть, так и нормально. Шарон расстегнул рюкзак.

– Зонтик? – шепнул Гена.

– Он самый. – подтвердил Шарон. – Чума, держи.

Шарон бросил второй зонтик Чуме, а третий раскрыл над собой.

– Волонтеры подогнали. – объяснил Шарон Ешкину. – Алапаевская долина. Вроде как материя от теплака защищает. Нам это во как нужно. Чтобы дроны не увидели. Вот сейчас и проверим. – Шарон встал.

– Как раньше цепью. Чума замыкает. Гена, у тебя катафот. Твой онлайн-кинотеатр сегодня. Идем гуськом и ножки ставим, будто культурные. Писать хочется, а вокруг ни Мэ, ни Жо, что характерно.

Генка старался. В густом и невидимом лесу, да ещё и с зонтиком, выходило так себе. Неожиданно возникали твердые и злые стволы деревьев. Однажды, зонтичный купол застрял в гибком и тонком кустарнике. Помог Чума. Этому Генка, конечно, был несказанно не рад. «Спасямбу» забросил короткую и дальше пошел своею дорогою. Но за катафотом. «Ничего». – надумывал себе Генка – «Разберемся, когда до дела доберемся». Шарон ждал у темного и нездешнего холмика. Очень ровный он был и природа никогда такое не сделает. Она добрая. Без воздуха и мысли никогда не оставит.

– Спиляем ветки. Э, нет. – остановил Шарон Генку. – Зонтик оставь. В машину сядем. Тогда.

Цвет у Тойоты был оливковый. Генка не видел, но знал. А вот толстый крест, как у немцев в фильмах про войну, был хорошо различим. На боку, на капоте.

– Даже на крышу всадили. – заметил Шарон. – И это очень даже хорошо. Для нас.

Раньше Генка думал, что враг эти кресты специально штампует. Потролить Красную Армию. А сам он не такой и не про это.

– И такой и про это. – уверил Ешкина майор Кормухин. Соседи из одного знаменитого оркестра приволокли в их батальон трофейный бронетранспортер М-113. Железную уродливую коробку на тонких не серьёзных гусеницах.

– Да уж. – Кормухин обошел трофей вокруг. Потыкал

тростью, где нужно и особенно, где не нужно. – Квадратишен. Практишен. Гуд. Вообще, не умеют в милитари дизайн. На фоне этой собачьей будки наша моталыга – спортсменка, комсомолка и красавица. Крестов везде понатыкали. Ну чисто обезьяны.

– Это они, чтоб нас позлить, товарищ майор. – сказал тогда Гена. – Клоуны.

– Для чего? – спросил майор.

– Что для чего? – не понял Генка.

– Вот злить зачем? Какая здесь логика?

– Никакой логики, товарищ майор.

– Именно, Ешкин. А нет логики, значит остается вера.

Они в это верят, бойцы. В эти кресты, в святую западную вундервафлю. И мы, наконец, должны поверить, что они в это верят. Когда к нашей логике добавится наша вера, тогда все будет наше, а главное мы сами.

Генка запомнил, как произнесся последние слова, майор Кормухин, что есть силы, засадил свою трость по самую пи-столе-т-ную ручку в пьяненькое и рыхлое мартовское небо. Кормухин, в отличие от американского военно-промышленного комплекса, в милитари дизайн ещё как умел!

Генка в салоне обжился быстро. Подсумок с зарядами бросил Чуме на заднее сиденье. Прогрел мотор и проверил ближне-дальний свет.

– Смотри. – Шарон сидел рядом. Освещал нашлемным фонариком карту с самодеятельными пометками.

– Вот наш лес. Сейчас аккуратненько берешь вправо и по просеке вот на эту бетонку. Через 12 километров первый блокпост.

– Вот скажи мне, американец. – услышал Гена рыжий неугомонный голос. – В чём паляница?

– Палья-Ни-Тсьаа. – повторил Генка.

– Ловко. – одобрительно кивнул Шарон. – А вот так. Имя. Фамилия. Пидроздил.

– Ноу. – отозвался Генка. Подтянул свою киношную насмотренную память. – Ай м нот Пидра Здил. Ай эм Абедайя Харря, мэн. Юй Эс Эй.

– Ловко. – одобрил Шарон, а Чума продолжил сомневаться.

– А вот, допустим...

– Не допустим. – отрезал Шарон. – Теперь по таймингу. Желательно в 3 часа уложится. Ориентир – луч солнца золотого. Точка А – эта поляна, она же точка Б. Объект – это пушка на грузовике. Доки у меня есть. Левые, конечно, но если быстро не очухаются, прокатит. Легенда такая. Едем на позицию. Координаты передали. Вроде бы Пригожин на передке появился. Времени в обрез. В общих чертах, как-то так.

Шарон сложил карту и бросил ее в рюкзак. Помолчали. Ещё помолчали. Ещё и ещё помолчали. В итоге Генка всех перемолчал.

– Ну? – спросил Шарон Генку. – Вроде как ехать надо. Ты

как думаешь?

– Я думаю. – согласился Генка.

– Это вредно. – отозвался Чума.

– Я думаю. – продолжил Генка.

Помолчали. Еще помолчали. Ещё и ещё помолчать не получилось.

– Ерунда какая-то. – сказал Ешкин и Тойота мягко, почти бесшумно тронулась с места. Когда свет дальних фар дотянулся до сложенных полукругом мешков с песком и самодельного шлагбаума, Шарон воткнул в магнитоу желто-голубую флешку и выкрутил громкость на полную.

– Черноротики! Самое-то. – прокричал Шарон. – Психология. За нашу победу.

– І...ш іх Вова б...ть! А мы допоможем. – Не песня, а баллончик с перцовкой. У Генки натурально слезились глаза и першило в горле. Перед блокпостом Ешкин даже скорость прибавил, чтобы быстрее остановиться и с облегчением опустить стекло. Душеубийственная музыка вывалилась наружу и шмякнулась на бетонку. Шарон прибрал громкость.

– Хай. – весело поздоровался Ешкин.

– Старший солдат Руденко. – лицо в окне было житомирское. Не по месту рождения, а по сути. Худое лицо сорокалетнего мужика с карими глазами, острым носом и темными ямами вместо щек. Неглупое лицо, но и глупое тоже. Зрадопераможное. Житомирское.

– ССО. 71-й центр. – внезапно Шарон очень ловко и на-

хально заговорил на приличном суржике. – Пэс ауэ докс, Абедайя.

Шарон толкнул Генку и Ешкин протянул в окно пачку бумаг с печатями.

– Ага. – Руденко не филонил. Бумаги посмотрел, но не распознал. Спросил.

– В Першатравень, значит?

– Ага. – высунулся с заднего сиденья прямиком в светскую беседу Чума. Дедушкин любимка. – Запылает сегодня мокша синим пламенем. Есть сигаретка?

Старший солдат Руденко вернул бумаги Шарону и протянул в окно открытую пачку сигарет.

– О, дякую. – Чума ввинтил сигарету в сжатые губы. – И запальничку... Мерси.

Генка раздраженно потер плечом мочку уха. Чума даже курил так, что всем становилось тесно.

– Слушайте, хлопцы. – Руденко доверчиво влез головой в окно. – Може возьмете? До Першатравня а?

Генке показалось, что Шарон и не раздумывал вовсе. С лица в жменю паутину сомнений собрал да и выбросил.

– Чому ж ни? – сказал Шарон.

– Так я это? Я зараз. – старшая голова старшего солдата Руденко нырнула с короткими желто-черными брызгами в ночь и тотчас вынырнула прямо у плеча Генки Ешкина. Неожиданная и молодая.

– Хлопцы. Може покушать хотите? О такой от бигус.

Шарон постучал пальцем по циферблату наручных часов.
– В другой раз.

– Ага. Понял. Понял. Я зараз.

На мгновение старший солдат Руденко появился в свете ближних фар. Темный и короткий. Он исчез за стеной из просеребряных бетонных блоков.

– И зачем это нам? – лениво спросил Чума.

– Нам это незачем. – Шарон скрестил ноги на полу, а руки на бронежилетной груди. – Это вот... Кто мы там сегодня? Микола Журавель, Андрей Разин и комрад ихний Абедайя Стар из города Гари. Вот этим нужно.

– И хочется же тебе, Шарон. – вздохнул Чума. – Как в Ульяновской синагоге. Ни слева направо, а справа налево. Чего проще. Сказал бы, что спешим. А мы и правда спешим.

– Спешим вернуться. – напомнил Шарон. – И не одни, а с громопушкой немецкой. Куда как лучше, чтобы у нас здесь побратимы были. Как говорят у нас в Ульяновской синагоге. Яхве заказывает, мы исполняем.

– Шутник ваш Яхве, товарищ Шарон. – сказал Генка и выдохнул и улыбнулся немножко. Устал тревожиться, хотя, казалось бы, самый момент. Из-за бетонных блоков появился старший солдат Руденко. В одной руке квадратная сумка распухшая, а в другой...

– Ой-ё. – произнес негромко Шарон.

– Ой-вей скорее. – вставил Чума ядовито. – Вот это Яхве. Яхве Иегогович.

Чума приоткрыл заднюю дверь и подвинулся.

– Вот, хлопцы. – старший солдат Руденко дверь широко распахнул. – Это Верочка. Сядай, сядай, а сумку я назад ки- ну.

Генка в зеркальце видел. Хорошенькая, с черными во- лосами распущенными (ой, как верно!) и в зимнем теплом бушлате. Поздороваться не успела, а Чума уже все опреде- лил и диагноз поставил.

– Яки ж это крокодил сонечко наше проглотил? Слава ЗСУ! Какой месяц, малая?

Голова старшего солдата Руденко по старой памяти залез- ла в салон и объяснила вместо девушки.

– Верочка наша. Мы тут все чертковские. А Ярика месяц назад Новая Пошта увезла. В посадке здесь вот у Калинов- ки размотало. И вот Верочка едет. За новым Яриком. Или Яринкой. Так вот хлопцы. Не зламають вороги. Держите.

Руденко подвесил в воздухе над Верочкой магазинный па- кет, перевязанный бантиком.

– Что это? – спросил Шарон.

– Тормозок. Берите.

– Возьмем. – Чума забрал пакет. Он водрузил его себе на колени и зашуршал, развязывая узел.

– Чего там у нас? Хлебчанский. Цибулькин. Помидорян какой! И вот оно. Белое золото! А-яй не порезано. Высший сорт. Как же мне теперь? Как пленному румыну? Кусать? Вот это мне привалило. Дякулка ты моя, старший солдат Руден-

ко.

– Як так? – не понял Руденко.

– Так як. – веселился Чума. – Один я тут, салоежка.

Генка нашарил потайной заповедный карман.

– Тчума. На. Давай.

– Что это? Ого. Та самая «легендарная финка» Два лоха в одной локации это перебор.

– Хуз секунд? – обиделся Генка.

– Спроси лучше кто первый.

– Хватит. – раздраженно отрезал Шарон. – Нож как нож.

– А что? Я ничего. – Чума быстро порезал тоненько сало, выломал из хлебного куска тяжелый дрожжевой мякиш. Скатал его в шарик и накрыл сверху широкой полоской мясного сала. Засунул в рот.

– Да что ты будешь делать! – жевал и восхищался Чума. – Шедевр. Мог бы сесть, чтобы это съесть.

Верочка рассмеялась, а потом сладко и не больно заохала. Одной рукой приобняла круглый животик, завернутый в домашний вязаный свитер, а другой плеснула Чуму по сильному покатоному плечу.

– Хватит. Прямо на колени тебе рожу... Хохотунчика.

– Едем. – Шарон кивнул Руденко. – Через час обратно будем.

– С Богом. – отозвался старший солдат. – Верочка. Поклон Черткову.

Руденко сунул Вере руку.

– Я вернусь. Слышишь? – она сказала твердо.

– Само собой. – согласился, не веря, Руденко.

– Вернусь. – повторила Верочка. – И Мегатрону скажи.

Гамора моя. Пусть губу не катает.

– Конечно, скажу. Мне то чего. Ты главное не нервничай,

Верочка.

– Я не нервничаю. И я тебе не Верочка, Руденко.

– Понял. То есть есть. – Руденко помолчал. Житомирское лицо в черно-желтой полутьме боролось с этой непонятной игрой в жизнь.

– Небула. – наконец, выговорил Руденко. Выдохнул и повторил. – Небула.

Верочка милостиво кивнула головой.

– Давай, Руденко. – Верочка закрыла дверь.

– Едем. – скомандовала она и Генка Ешкин подчинился.

– Гамора, Небула, а Руденко кто? – спросил Чума. – По-годи, дай... Я есть Груд?

– Руденко это Руденко. – ответила Верочка Небула.

– Отчаянно respectfully.

– Шуткуешь?

– Преклоняюсь. – по крайней мере голос у Чумы был серьёзным. – Не пыжит и воздух не гоняет.

– А ты гоняешь?

– Мы с тобой одной крови, сестра. – Чума приложил руку к сердцу.

– Не-бу-ла. – повторил по слогам Чума. – Позывной прям

в яблочко, Верочка. Налетай!

Чума обмял пакет и предложил Верочке присоединяться. – Не дошики, конечно, дворянская еда. Цибулькин, Помидоряны, но под сало все пролезет.

– Куда мне? – Верочка рассмеялась и похлопала себя по животу. Чума смех подхватил. Добавил искренне.

– Прикольная ты, малая. Жаль не обождала. Мы бы с тобой у-у-ух чего наделали. Будьмо!

Чума бросил в рот очередной хлебный кругляш с салом. Свет в салоне Генка не выключил и глаза у Верочки блестели. Отражали желтый и гравийный свет. В себя его не пускали. После второго блокпоста Шарон не выдержал, повернулся и спросил.

– Серьезно? Вернешься?

– Почему не веришь? – спросила Верочка.

– Не верю? Пожалуй. – согласился Шарон. – Ребенок вообще все меняет. Наверное.

– Не для меня. Пока всех... – Верочка сжатым кулачком ударила по раскрытой ладони. Генка поморщился. Мерзкий и хлестаковский звук.

– Всех то зачем? Не по-военному. – Шарон все еще надеялся.

– Надо. – Верочка коснулась горячей головой влажного и холодного стекла. – Вот зачем.

Немного помолчала и добавила с вызовом.

– Странные вопросы.

Шарон пожал плечами.

– Звычайные. Дорожные.

– Ладно. Небула, с тобой понятно. А Гамора? Подружка твоя? – Чума перехватил опасный разговор.

– Подружка? Гамора это БМ 21 «Град», рижуля.

– Огневая девка. Как ты. – с уважением произнес Чума.

– Все донецкие про то знают. – подтвердила Верочка. – Кто остался... Пока.

Впереди и справа появилась угловатая буква Д. Она тихо выплыла из летней ночи и остановилась на обочине. На длинном горизонтальном основании проступило худое и длинное желто-голубое слово: «Першатравень».

– У школы остановите. Я покажу. – сказала Верочка.

– Хорошо. – Шарон повернулся к Генке. – Абедайя, френд. Нау прямо, прямо. Афтэ кам бэк и свернем к Лысогорке.

– В ангары едете? – спросила Верочка.

– Военная тайна. – улыбнулся Чума.

И тогда Генка решился. Быстро и ловко выкрутил руль влево. Тойота взвизгнула. Поворот вышел не округлый и мягкий, а жесткий и острый. Генка ударил по тормозам и машина ударилась изо всех оставшихся сил о стену из черного воздуха, пробив в нем желтую и ровную дыру.

– Вот я дуинг, мэн? – Шарон схватил Генку за плечо. – С ума сошел?

– Абсолютли! – отозвался Чума. – Я чуть Верочку не за-

давил. Как ты, мать?

– Нормально. Не лапай. Нормально говорю. – Верочка толкнул Чуму. – Он что у вас контуженный?

– Сдаст. – негромко и твердо сказал Генка. Он повернулся к Шарону и повторил. – Она нас сдаст.

Шарон помолчал. Быстро оценил обстановку. Согласился и хлопнул в ладоши.

– Ладно. Чего комедию ломать. Почему так решил?

– Дошики. – сказал Генка.

– Дошики? – не понял Шарон.

– Дошики. – подтвердил Ешкин. – На Украине нет доширака. У них мивина. И про ножик не надо было рассказывать.

В зеркальце Гена поймал настороженный взгляд Верочки. Она укутала живот бушлатом и спросила зло.

– Тебе то чего здесь нужно, черныш?

– Я из Шахуньи. Вот чего. – ответил Генка.

– Ну и ехал бы в свою Африку.

– Уже. – откликнулся Генка, а у Шарона спросил.

– Что делать будем?

– Что-то будем. – растерянно отозвался Шарон.

– Ты куда это? – Чума едва успел подхватить Верочку, наполовину вывалившуюся из машины. Чума затащил ее в салон и, не жалея, хлопнул дверью.

– Ты что это, мать? Нормально ведь общались.

– Отвали! Слышишь? – Верочка задыхалась от ярости.

А потом она выбросила из себя столько прямой и откоро-

венной ненависти, описанной такими черноротыми словами, что больше Шарон не сомневался.

– Молодец. – похвалил он Генку и неожиданно очень быстро перегнулся через спинку кресла, схватил Верочку за бушлат и притянул к себе.

– Не бомби. – тихо, почти нежно прошептал Шарон. Подержал Верочку на весу. Покрутил из стороны в сторону и бросил назад и вниз. Покачал указательным пальцем и повторил для закрепления.

– Не бомби...

Шарон поправил зеркальце. Прокашлялся, выигрывая секунды для того, чтобы размыслить ситуацию.

– Слушай, мать. – Шарон не поворачивался. Говорил как будто сам собой. Раздумывал.

– Слушай, мать. Я примерно представляю, что за мусор у тебя в башке. Поэтому без иллюзий. Ты вроде как человек военный и должна понимать. Была бы одна. Вопросов нет. Демилитаризация безоговорочная. Но вас двое. И второй гражданский. Нонкомбатант.

– Чухня. – отозвалась Верочка. – И ты таки самы.

– Это как тебе вздумается. – не стал спорить Шарон. – Сейчас мы тебя упакуем. Стяжки. Кляп. Полежишь здесь. Отсюда и до первого побратима. Лады?

– Пошел ты...

– Вот и договорились. – подытожил Шарон.

– Хотя. – задумался Шарон и прикусил нижнюю губу, что-

бы не рассмеяться. Не рассмеялся.

– Хотя нет. – решил окончательно Шарон. – Человек ты молодой, незнакомый и фамилия может быть твоя Космодемьянская. Гена, тормози на минутку. А ты Чума делай.

– Угм... – Чума прожевал свой крайний бутерброд, завязал аккуратно пакет. Генка мягко выжал тормоз, а у Верочки в руке появился неожиданный нож. Та самая «легендарная». Верочка подхватила финку с колен у разини Чумы. С резким бабьим всхлипом она всадила нож Чуме в левое плечо и сразу после этого опрокинулась наружу в спасительную еще тьму. Ни Шарон, ни Генка не успели. Чума выдрал из набедренной кобуры пистолет, выстрелил и только потом позволил себе удивленный тихий стон.

– Ты как, Чума? – спросил Ешкин.

– Как-то не очень. – Чума оставался дерзким, а голос мелел и белел.

– Я гляну? – спросил Генка.

– Давай. – откликнулся Шарон.

Верочка и десяти шагов не успела сделать. Лежала на боку, высоко подняв колени. Генка включил фонарь на шлеме. Глаза открыты и неподвижны. Мелко дрожали губы и лицо зарастало полупрозрачной, но неумолимой тенью.

– Что здесь? – Шарон встал за спиной.

– Все по делу. – сказал Генка. – Доходит боец.

– Посвети-ка. – Шарон присел и быстро осмотрел крохотное тельце, пока оно не растворилось и не исчезло в холод-

ном воздухе и на холодной земле.

– Что теперь? – спросил Генка, когда Шарон поднялся.

– А что теперь? – на широком лице Шарона никаких теней не было, и в зеленых и трудных глазах никакого сомнения.

– Теперь куп де грасс. А могла с мамкой вишневые вареники хрумкать. Но солдат что надо. И умрет как солдат. Она это заслужила.

– А гражданский? – спросил Генка.

– Гражданский?

– У нее 8 или 9 месяц. Ребенок может выжить.

– Где? – Шарон недовольно повел головой. – В поле?

– Можно в больнице. Поселок рядом. Могу отвезти.

– У нас как бы свои дела. – напомнил Шарон. – И график и план и три четверти Чумы от общего функционала. И она враг.

– Она да. – быстро ответил Ешкин. В слабом луче его фонаря вспыхнула и сторела случайная звезда.

– Да что ты будешь делать. Ты как моя Ульяновская синагога, Ешкин. Скучный и вечный. Забирай эту ведьму конопскую.

Генка выпотрошил свою аптечку. Вколол прамедол. Засыпал рану гемостатиком и кое-как наскоро наложил повязку. Легко, почти не чувствуя, донес Верочку до машины и положил ее рядом с Чумой.

– Живая? – Чума виду не показывал. Рыжел пуще прежнего. – Это не я. Честно, ребзя. Я старался. Все видели.

– Видели, видели. – подтвердил Шарон. – Выходи, Чума.

Дальше пешком.

– Почему это?

– Потому что живая.

А Генка совсем объяснил.

– В больничку отвезу. Может чего и получится.

– Поверь не получится. У меня гарантия.

– Я про ребенка.

Чума, конечно, улыбался, но левая рука двигалась с трудом, а повязку губила (опять? Навсегда!) рыжая кровь.

– Разве это наше дело? – спросил Чума Шарона.

– Это не наше дело. – ответил Шарон. – Это его дело.

– Затем и брали. – съязвил Чума.

– Получается так. – согласился Шарон. Кроме рюкзака он повесил на себя подсумок с гранатами.

– Я быстро. – пообещал Генка.

– Ни к чему. – отказался Шарон. – Если все удачно пройдет, свои колеса будут. А нет... – Шарон подмигнул Генке. – Маршрут помнишь? Тогда все. Как говорят в нашей Ульяновской синагоге.

– Раю масти, Аду по пасти. – подхватил и закончил Чума.

– В общих чертах. – подтвердил Шарон. Он показал Генке на карте, где в Першатравне больница, а уехал Генка не сразу. Одну-две минуты ждал. Висели над светлеющим горизонтом красные огоньки, а сразу за ними тяжелели полукруглые силуэты колхозных ангаров. Там пряталась война и

эти двое шли за ней. Хорошо бы, если за тем, чтобы убить. «Четкие они пацаны» – подумал Генка. – «И никогда мне не быть спецназером».

Больницу Генка разыскал быстро. В прифронтовом смиренном поселке, да еще ночью, только вокруг нее теплилась жизнь. На обвисших деревянных ступеньках курили темные скупые на движения фигуры, а в узких и высоких окнах горел кое-где напряженный и опасливый свет. С Верочкой на руках, Генка бежал к ступенькам. Топал тяжело и орал громко.

– Хелп! Хелп! Допомога!

Ему открыли двери и он ввалился в полутемный коридор с пружинистым и гнилым полом.

– Доктор! Медесин! Шиза.. – Генка помнил про VHS-народ и пер нагло и хватко.

– Шиза берем. – объяснял Генка пожилой санитарке. Она возникла у его правого локтя совсем из ниоткуда.

– Поранена? Куды? – допытывалась санитарка.

– Ес. Ноу. – настаивал Генка. – Палья-ниться.

– Вагитная?

– Ноу вагит. Какой Вагит? Ве-ро-чка. Шиза Верочка.

– Шиза, конечно. – успокаивала его санитарка.

– Галина Петровна! – им навстречу по коридору спешил наголо бритый полный молодой человек в камуфляже и когда-то белом халате.

– Тут товарищ негр, Остап Остапович.

– Уот сдзель! – орал Генка. – Бистро... тристо... трактористо!

Остап Остапович махнул рукой и Генка, не переставая говорить на своем собственном английском, побежал за ним. В операционной Генка положил Верочку на тонкий и твердый лежак. Повернул осторожно на бочок, не сдержавшись, погладил осторожно. Спросил серьезно, перестав дурачиться.

– Выживет?

– Не знаю. – Остап Остапович спешил и на окружающий фон внимания не обращал.

– А ребенок?

– Не знаю. – Остап Остапович отвлекся на мгновение. – Do you understand?

– Не знаю. – честно ответил Гена. Он развернулся и вышел. Никто его не останавливал.

Дня через два майор Кормухин инспектировал свои владения. Поругал одних. Похвалил других. Подумал о третьих. Бережно, опираясь на трость, спустился в блиндаж на тыловой и безмятежной линии. Присел на круглый деревянный обрубок рядом с алюминиевым баком и навел конструктивную и прогрессивную критику.

– Ты, Геннадий, если картошку не жалеешь, Маркина пожалей. Придется ему вечером опять в путь-дорогу собираться, чтобы у людей пюрешечка с сисисочкой утром сошлись в мега экстазе.

– А я что? – угрюмо отозвался Генка Ешкин. – Разве это

нож? Это издевательство.

Генка показал Кормухину столовый ресторанный нож с тупым и круглым клинком.

– Неправильно, Гена, Генчик, Генацвале. – заметил назидательно Кормухин. – Это и нож и издевательство.

– А в первом батальоне, между прочим, картофелечистка имеется.

– А дисциплина? – не унывал Кормухин. – Дисциплина в первом батальоне имеется? Ты думаешь, ты картошку чистишь, Ешкин? Ты карму себе чистишь. Чтобы это ни значило. А значит это много. Если не все. И даже больше. – закончил торжественно Кормухин.

– Ничего не понял, товарищ майор. – Генка выбрал из картофельной горы увесистый клубень. Скоблил его усердно. Напоказ.

– Это хорошо. – согласился майор.

– Чего тут хорошего?

– Горизонты, Ешкин. Проселок в душистой летней степи. Конца не видно. И не нужно.

Кормухин поднялся.

– Пойду. Дизелисты совсем байденулись. Да чуть не забыл. – майор достал из кармана и бросил Ешкину ту самую «легендарную» «НКВД от кизлярских мастеров».

– Это же моя. – не разобрался сразу Генка, а потом поднял на Кормухина радостные глаза.

– Живы?

– И вполне заслуженно. – подтвердил Кормухин. – Что? Отмучался, Генчик?

– Камень с души, товарищ майор.

– А я знал, что не ошибся. И ты не ошибся, Ешкин. Войну, вообще побеждают не самые умные, а самые нужные. Таких любит случай. Или не любит. – поразмыслив, добавил Кормухин. – Сразу не угадаешь. Код нужно знать. Верный.